

К. В. Русанов, научн. сотр.

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ФЛОРЫ И ФАУНЫ ЧЁРНОГО МОРЯ: ГУСТАВ ШПЕРК И ВАСИЛИЙ УЛЬЯНИН В НОВОРОССИЙСКОЙ БУХТЕ

С середины 1860-х гг. русские учёные стали значительно активнее изучать флору и фауну Чёрного моря, имевшего репутацию бедного формами жизни. Первоначально география этих исследований ограничивалась северным, главным образом крымским побережьем моря, а также некоторыми пунктами побережья Абхазии. В конце 1860-х гг., когда открылся безопасный доступ к восточному побережью Чёрного моря, учёных заинтересовала Новороссийская бухта, богатая разнообразными водорослями и морскими беспозвоночными. Первыми исследователями, включившими эту бухту в маршрут своих экспедиций 1868 г., стали харьковский ботаник Г. Ф. Шперк и московский зоолог В. Н. Ульянин. Собранные ими материалы заняли важное место в отчётах, опубликованных Шперком и Ульяниным, а также в монографии последнего, вышедшей через несколько лет. Они привлекли внимание других русских учёных, продолживших изучение фауны Новороссийской бухты в 1870-е гг.

Ключевые слова: история гидробиологических исследований, Чёрное море, Новороссийская бухта, ботаник Шперк, зоолог Ульянин.

В Новороссийске и сегодня считают [2], что наука здесь началась с основания в 1920 г. харьковчанами В. А. Водяницким и В. М. Арнольди биологической станции, ныне носящей название «Морской биологический центр». Однако *de facto* гидробиологические исследования стартовали в здешней бухте более чем полувеком раньше: летом 1868 г. в Новороссийске, недавно вернувшем статус города, работали ботаник из Харькова Густав Шперк и московский зоолог Василий Ульянин. За ними в 1870-е гг. последовали другие молодые учёные из университетских центров Российской империи. Эти экспедиции (по тогдашней терминологии – экскурсии), весьма скупо отражённые в советской литературе [1], вошли в историю исследований флоры и фауны Чёрного моря и заслуживают того, чтобы стать частью истории Новороссийска.

В середине 1860-х гг. интенсивность изучения гидробиологии Чёрного моря резко возросла. С одной стороны, русскими учёными двигало желание опровергнуть установившееся в первой половине XIX в. мнение о его бедности формами жизни по сравнению с другими

морями Европы и Азии. В. И. Чернявский, с 1866 г. студентом-зоологом ездивший работать на Чёрное море, сформулировал это желание так [4]:

«Поверхностность изучения (предшественниками.- К.Р.) даже северной части Чёрного моря подстрекнула во мне надежду встретить на берегах Крыма совсем иную, далеко не печальную картину животной жизни (в море. – К.Р.) наперекор идеальному воззрению зоологов. Если бы даже тщательное исследование береговой фауны Крыма заставило меня согласиться с господствующим взглядом, то мне оставалось еще попытаться счастья на южных частях моря. Если бы и в последнем случае пришлось разочароваться в своих планах, то вскоре я мог бы без сожаления покинуть неблагодарное море для роскошной фауны и лучших в мире условий, представляемых уединенными группами островов Полинезии – исполнить заманчивую мечту, преследовавшую меня от самой ранней поры моего детства».

В итоге черноморской «Полинезией» стал для учёного Сухум-Кале.

С другой стороны, в эти годы в гидробиологию устремились русские биологический эволюционисты, искавшие в ней аргументы в пользу только что родившейся теории Дарвина. Изучать жизнь моря, особенно в Италии или Германии, стало модно. Кто не располагал средствами, тот ехал на Чёрное море и искал материал на мелководье, либо кооперировался с более состоятельными коллегами. В. И. Чернявский, описывая экспедицию 1867 г., сетовал [4]:

«Дороговизна лодок (1,5-2,5 рубля в час с драгою) не позволяла мне заняться изучением глубины Ялтинского залива. <...>. Лишь в конце июля вместе с г. Мечниковым и проф. Ценковским мы совершили три экскурсии на лодке с мюллеровской сеткой на расстоянии от 0,5 до 1 версты от берега, причем моею целью было добыть хотя бы несколько пелагических форм копеподов, целью г. Мечникова – собрать личинок, а проф. Ценковского – пелагических Protozoa».

Разобрав улов, студент, профессор и будущий Нобелевский лауреат обменивались находками. Трогательная картина: перед истинной все равны...

До второй половины 1860-х сотни километров побережья Кавказа оставались в стороне от исследований, ибо коменданты редких укреплений на Черкесском берегу не могли выделять охрану учёному, бродящему вдоль берега по колено в воде. А без охраны он ежечасно рисковал быть ограбленным, убитым или проданным в рабство. Поэтому отечественные гидробиологи собирали материал в основном в Крыму, отчасти в Одессе и в Сухум-Кале.

Для того чтобы исследователям жизни моря стала доступна и Новороссийская (Цемеская, Суджукская) бухта, России пришлось победить в Кавказской войне. В 1866 г. был образован Черноморский округ с управлением в Новороссийске; к 1868 г. в городе имелось менее 500 жителей и около 90 домов. Черноморский округ возглавил Д. В. Пиленко, произведённый в генерал-майоры. Генералу было 36 лет, а прибывавшие в Новороссийск биологи были намного моложе.

Густав Фёдорович Шперк (род. в 1845 или 1846 г.) окончил в 1867 г. естественное отделение Харьковского университета по кафедре ботаники. Уже студентом он занимался научной работой и получил золотую медаль за сочинение, напечатанное даже Академией наук. Летом 1868 г. консерватор ботанического кабинета университета Г. Ф. Шперк был послан на Чёрное море для изучения водорослей. Кроме обычных для препаратора-альголога предметов, он вёз с собой «несколько громоздких ящиков, наполненных книгами, физическими приборами и химическими препаратами» [6] для опытов с водорослями на месте. В помощь Шперку был придан студент Л. В. Рейнгард (1847 – 1920) – будущее светило альгологии и первый избранный ректор Харьковского университета. Руководитель экспедиции, на год – два старший студента, взял на свою долю высшие формы водорослей (порядки Florideae и Fucoideae), зелёные же и диатомовые оставил Рейнгарду.

Замечу, что Л. В. Рейнгард так и не опубликовал собранные им в 1868 г. результаты, не включил их и в свою книгу [7].

Осенью того же 1868 г. Г. Ф. Шперк представил совету Харьковского университета отчёт [11], тут же напечатанный. Первая часть содержала главы: «Исторические сведения о водорослях Чёрного моря», «Систематический обзор», «О нахождении водорослей в некоторых бухтах Чёрного моря». Во второй части глав было семь: «О строении и развитии некоторых водорослей», «О распространении и свойствах крахмала у морских водорослей», «Несколько слов о влиянии различных цветных растворов на произрастание некоторых морских водорослей», «Развитие морских водорослей в воде различной солёности», «О просвечивании слоевищ некоторых морских водорослей», «Действие электричества на протоплазму водорослей», «Несколько замечаний о культивировании водорослей». Последние пять глав содержали результаты экспериментов, поставленных непосредственно в ходе экспедиции!

По мнению Шперка, он и Рейнгард в результате экспедиции 1868 г. добавили к 70 видам водорослей, найденным в Чёрном море предшественниками (среди которых был, например, знаменитый в будущем Дюмон-Дюрвиль), ещё почти 100 новых видов и разновидностей. Уже в 1869 г. Г. Ф. Шперк защитил «Очерки...» как магистерскую диссертацию и был избран доцентом кафедры ботаники Императорского Харьковского университета.

К сожалению, свой отчёт [11] он начал словами «Предпринятая мною этим летом поездка на берег Чёрного моря (в Крым и на Абхазский берег)...», пропустив Новороссийск. Возможно, поэтому писавшие о харьковском ботанике [10], словно не посмотрев его труд дальше первой страницы, сводили географию экспедиции Г. Ф. Шперка 1868 г. к двум регионам. Но достаточно открыть «Очерки...», чтобы убедиться: в Новороссийске Густав Фёдорович тоже работал, и сетовал, что довелось работать недолго [11]:

«Новороссийская бухта, между Суджукскою косою и мысом Дооб (44 градуса 30 минут – 44 градуса 40 минут северной широты; 37 градусов 30 минут – 37 градусов 40 минут восточной долготы), представляет собою одну из обширных и лучших бухт на восточном берегу Чёрного моря; горы здесь подходят к самому берегу (по юго-восточному склону), дно покрыто крупными гольшами на значительном протяжении, в некотором расстоянии от берега находится банка. По своему положению бухта наиболее других защищена, особенно с северо-запада, так что соединяет все условия для обильного нахождения водорослей. Действительно, насколько я мог заметить, все пространство против города покрыто громадным количеством водорослей; здесь также в изобилии является *Zostera marina*, которой я в Сухуме не встречал; около Псырцхи она попадает в незначительном количестве. Я весьма сожалею поэтому, что обстоятельства не позволили мне подробнее исследовать этой бухты.

Первое место по количеству индивидуумов занимает, как и везде, *Cystoseira*, но здесь встречается особая разновидность ее, которой я не находил более нигде; это – *Cystoseira barbata* var. *verrucosa* β. На ней весьма распространена *Leathesia umbellata*, несколько отличная от находящейся в

Сухуме; глубина, на которой я находил ее, незначительна – до 5 футов. Вместе с нею встречаются *Ectocarpus arabicus* и *Ruprechtii*. На *Cystoseir*'ах же весьма распространен *Ceramium rubrum*, который здесь, однако, мало развивается, значительно тоньше и с менее развитым корковым слоем; я находил его только со сфероспорами. *Ceramium diaphanum* и на нем *Callithamnion piliferum* встречаются гораздо реже. На листьях *Zostera* и на подводных камнях распространены несколько видов *Melobesia*, на камнях же довольно мелко растет один вид *Polysiphonia obscura* J. Ag., который был без плодов. *Laurencia dasyphylla* растет в большом количестве на *Cystoseir*'ах, также довольно мелко, около 4 – 5 футов.

Всего собрано мною 12 видов: 4 вида темноцветных и 8 видов красных. Но я имел возможность собирать только однажды (в конце августа) и притом только в одном месте. Судя по обширному распространению здесь водорослей и по благоприятным условиям для их произрастания нужно надеяться, что эта бухта окажется одною из богатых на восточном берегу Чёрного моря».

Вопреки словам автора [11] о посещении им Новороссийской бухты в конце августа, в тексте отчёта описаны образцы, собранных в ней в июле (один – даже в июне) 1868 г. Спеша сообщить в «телеграфном» стиле научные результаты экспедиции, Г. Ф. Шперк опускал многие детали, казавшиеся ему несущественными, но драгоценные для историка. Он словно знал, что ему отпущено немного, и не ошибся.

В мае 1870 г. Харьковский университет командировал своего доцента в Гейдельберг для изучения физиологии. Но тут вспыхнула франко-прусская война, и Шперку пришлось переехать в Мюнхен, где он и умер 27.08.1870 г. – якобы от тифа. По мнению же проф. А. С. Питры, истинные причины тому были другие: «чрезмерное напряжение в научных занятиях и незалеченная кавказская лихорадка, захваченная во время пребывания в Сухум-Кале» [6].

Насчёт чрезмерности напряжения с А. С. Питрой надо согласиться. Ещё студентом, Г. Ф. Шперк, не располагая собственными средствами, зарабатывал уроками в частных домах не только на жизнь, но и на научные экскурсии; первую поездку в Крым он совершил, как и

вышеупомянутый однокашник В. И. Чернявский, ещё в 1866 г. Став штатным сотрудником университета, Шперк одновременно вёл несколько трудоёмких научных исследований, читал лекции студентам, занимался переводами с немецкого литературы по ботанике.

Но относительно места, где учёный «подхватил» лихорадку, осложнения которой свели его в могилу менее чем через 2 года (любой опытный кавказский врач знал, что нелегкая малярия, поразив печень, часто завершается тифоподобным exitus'ом), можно поспорить. Новороссийск мало чем уступал Сухуму по заражённости малярией. Данных за 1868 г. нет, но в 1867 г., по имеющимся свидетельствам [3], как только в Новороссийске «большое болото, простирающееся к северу от города, и мелкие болота, раскинутые на юго-запад, стали обнажаться от покрывавшей их воды, лихорадки сделались до того повальными, что в станице почти все переболели, да и в городе в июле и августе 1867 г. оставалось немного здоровых».

Шперк не успел вернуться в Новороссийскую бухту и изучить подробнее растущие в ней водоросли. В молодости жизнь мнится нам бесконечной, но всё в ней надо делать, не откладывая на «потом». Увы, часто понимание этой истины приходит к нам, когда уже ничего нельзя исправить.

Василий Николаевич Ульянин (1840 – 1889) успел в жизни больше ботаника Шперка. Ульянин начинал учиться в Московском университете на медика, а закончил его в 1864 г. зоологом. Магистерскую работу делал по энтомологии, но командировка в Германию (1866 – 1867 гг.) обратила Василия в неопита морских беспозвоночных: в Гиссене он слушал лекции проф. Р. Лейкарта (1822 – 1898) и работал в его лаборатории, а затем они отправились в Неаполь.

В те годы юг Италии – это Мекка русских биологов-эволюционистов. В Неаполе В. Н. Ульянин встретился со своим русским шефом – профессором Московского университета А. П. Богдановым (1834 – 1896). Закупив в Морський екологічний журнал, № 2, Т. XIII, 2014

Гиссене и Неаполе материалы и оборудование для Черноморской экспедиции и получив от Богданова инструкции, в мае 1868 г. Ульянин прибыл в Москву, а уже в середине июня был на Чёрном море.

Надо сказать, что эта (как и следующая – в 1869 г.) Черноморская экспедиция В. Н. Ульянина была частью крупномасштабного проекта Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В его планы входило проведение II Съезда русских естествоиспытателей с выставкой прикладного естествознания и постройка величественного Московского аквариума с целями демонстрационно-познавательными, научными и даже предпринимательскими (коммерческое рыбоводство). Уже был утверждён архитектурный проект здания, разработанный на основании осмотров командированными специалистами аналогичных аквариумов, рыбозаводов и морских станций Западной Европы. Сроки реализации проекта были привязаны к открытию железнодорожного сообщения Москвы с южными морями России (дорога Москва – Ростов-на-Дону открыта в 1869 г., Москва – Одесса – в 1870 г.; открытие дороги Москва – Севастополь задержалось до 1875 г.).

А. П. Богданов писал коллегам из Неаполя: «Животные русских морей должны занимать первое место на нашей выставке и в наших аквариумах. Соединение Москвы в ближайшем времени с наиболее интересным Чёрным морем даёт большие надежды на то, что возможно будет переносить из него животных в наши аквариумы».

География первой экспедиции В. Н. Ульянина, переезжавшего с места на место рейсовыми судами Русского общества пароходства и торговли, и применявшиеся им способы исследования морской фауны ясны из следующего фрагмента отчёта [8]:

«Общество снабдило меня инструкцией, согласно которой мои работы должны вести: 1) к выяснению горизонтального и вертикального распределения животных в Чёрном море; 2) к выяснению

причин, обуславливающих присутствие или отсутствие в известной местности известных животных, и 3) к монографическим исследованиям над отдельными избранными формами. Кроме того, я должен был доставить для университетских собраний по возможности полную коллекцию черноморских беспозвоночных животных.

Имея в виду на будущее лето опять отправиться к берегам Чёрного моря, я распределил мои работы следующим образом: в продолжение нынешнего лета я положил себе задачей объехать северный (крымский) и восточный (кавказский) берега, посещая наибольшее количество пунктов по этим берегам. Ознакомиться с возможно большим количеством местностей мне казалось необходимым для того, чтобы в будущую мою поездку на основании собранных в нынешнем году данных избрать местности, пригодные для более подробного исследования их фауны.

Согласно этому предположению, в продолжение второй половины июня и июля мною объезжен северный берег, а в продолжение августа и половины сентября – восточный берег Чёрного моря. По северному берегу производились мною исследования в следующих пунктах: в Керчи и окрестностях, Еникале, Тамани, Феодосии и окрестностях, Ялте и окрестностях, близ мыса Айтодора, в Севастополе и окрестностях, и в Одесском рейде. На восточном берегу мною посещены рейды: Потийский, Сухумский, Гагринский, Пицундский, и Новороссийская бухта.

Во всех означенных местностях производились мною двоякого рода экскурсии. Для добывания мелких форм, плавающих в тихую погоду на поверхности воды, употреблялась мною мюллеровская сетка. Результаты этих экскурсий большею частью вошли в состав привезенной мною коллекции микроскопических препаратов.

Другого рода экскурсии, производившиеся во всех означенных мною местностях, имели целью доставание животных с известных глубин. Для этого употреблялась мною или рыбацья ловушка, которой таскают на крымских берегах устрицы, или же драга. При забрасывании драги производились промеры глубины. <...>. Драга закидывалась в различных местностях на следующих глубинах: в Керчи на 35, 49 и 54 фута; в Феодосии на 42 и 56 футов; близ Айтодора на 133 и 140 футов; близ Ореанды на 168 футов; в Севастополе (в различных бухтах) на 42, 49 и 56 футов; близ Поти на 147 футов; в Пицундском

рейде на 28, 56, 63 и 70 футов; в Новороссийске на 35, 49, 56, 91, 98 футов и в Сухуме на 135 футов. На всех добытых таким ловом животных обозначена глубина, с которой они взяты.

Встретили Ульянина в Новороссийске хорошо [8]:

«Генерал-майор Д. В. Пиленко, начальник Черноморского отдела, дозволил мне пользоваться для разъездов по бухте казенной шлюпкой с гребцами».

Как и Шперк, зоолог отметил изобилие здесь цистозиры:

«На всей кавказской береговой линии до Сухума, исключая Новороссийскую (и, по всему вероятно, не посещенную мной Геленджикскую), нет ни одной бухты, защищенной от волн, которые перекачивают массы голышей, перетирающих все, что ни попадетя. Поэтому на всем побережье замечается отсутствие береговых животных, для которых необходимо присутствие растений. Только в Новороссийской бухте дно от самого берега заросло целым лесом *Cystoseira*, на которой в обилии растут губки, гидроидные полипы, мшанки и разные другие животные».

Новороссийская бухта стояла в перечне Ульянина последней, и, скорее всего, он работал здесь в сентябре, уже после Шперка. Богатство животного мира этих вод рождало у зоолога естественное желание вернуться сюда снова. Но... в 1869 г. В. Н. Ульянин и его напарник М. Ю. Поггенполь работали только в Крыму; первый занимался турбелляриями, второй – рыбами и их паразитами. Черноморскую экспедицию 1869 г. её руководитель прервал уже в июле, чтобы подготовить доклад на II Съезде русских естествоиспытателей.

Этот съезд проходил в Москве во второй половине августа 1869 г.; В. Н. Ульянин сделал сообщение «О ресничных червях Чёрного моря». Гораздо большие последствия имело выступление там Н. Н. Миклухо-Маклая (пока ещё – исследователя морской фауны): Николай Николаевич, попавший в Москву проездом с Красного моря в Петербург, призвал покрыть берега морей, озер и рек России биологическими станциями и публичными аквариумами. Призвал – и уехал, по обыкновению

оставив другим расхлёбывать заваренную им кашу.

Мыслящие реалистически участники съезда в старой столице ограничились проектами основания биостанций в Севастополе и Сухум-Кале. Собранные ими на это деньги были переданы московскому Обществу, однако тут инициативу перехватили одесситы: они поспешили учредить при своём только что возникшем (в 1865 г.) университете Новороссийское общество естествоиспытателей – для контроля за будущей Севастопольской биостанцией (ныне – Институт биологии южных морей). Она была открыта в 1871 г., но собственным зданием с демонстрационным аквариумом обзавелась только через четверть века [5].

Результаты двух экспедиций на Чёрное море В. Н. Ульянин сформулировал так [9]:

«Коллекции черноморских животных, доставленные мною в зоологический музей Московского университета, состоят из предметов, собранных в Одессе, Севастополе, Балаклаве, Феодосии, Керчи, Новороссийске, Гаграх, Пицунде, Сухуме и Потти, и сохраненных в спирту и в микроскопических препаратах. В музей доставлены более 200 последних, коллекция рыб из 1000 экземпляров, коллекция ракообразных, червей, иглокожих, Coelenterata и губок приблизительно из 6000 экземпляров. Приготовлен полный скелет и несколько спиртовых препаратов дельфина и составлен атлас из 175 рисунков красками и карандашом, из коих большая часть посвящена ресничным червям. М. Ю. Поггенполем составлена коллекция глист в числе 1300 экземпляров».

В 1870 г. московского зоолога отвлекло от Чёрного моря участие в престижном Северном походе Великого князя Алексея Александровича. Лишь в 1872 г. В. Н. Ульянин издал свой фундаментальный труд «Материалы для

фауны Чёрного моря», где дал список из 380 видов животного населения (из коих 82 вида прибавлено самим автором), свод всей литературы, относящейся к фауне этого моря, а также свои воззрения на характер и сродство черноморской фауны с соседними морями. Подчеркнем, что Ульянин, ориентированный на мнения западной науки, не считал фауну Чёрного моря богатой и возражал Чернявскому: «Черноморская фауна богаче разве только наиболее бедных закрытых морей – Балтийского и Каспийского».

Тем не менее, он ещё не раз приезжал работать в Крым (хотя гораздо чаще – в Италию). Во второй половине 1870-х гг. В. Н. Ульянин даже заведовал Севастопольской биостанцией, в связи с чем на рубеже XIX - XX вв. его имя гордо носила станционная шляпка. Завершил же карьеру Василий Николаевич вдали от тёплых морей – профессором в Варшаве. В Новороссийск он так больше и не вернулся.

Однако собранные В. Н. Ульяниным в здешней бухте материалы и его публикации (на которые, кстати говоря, ссылаются до сих пор) привлекли внимание других зоологов. Киевлянин Н. А. Кричагин в 1870-е гг. дважды приезжал сюда для более углублённого исследования морских беспозвоночных. В 1872 г. Новороссийск был одним из пунктов (хотя и важнейшим) маршрута черноморской экспедиции Кричагина, а в 1874 г. Николай Александрович провел в Новороссийске всё лето. Но это – тема для отдельного рассказа.

1. *Виноградов К. А.* Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. – Киев: АН УССР, 1958. – 153 с.
2. *Костюченко Л. П.* Биологическая станция – первое научное учреждение Новороссийска // *Аргонавт*, 2008. – № 1. – С. 50 – 58.
3. *Ланд Ф. Ф.* Климат города Темрюка // *Медицинский сборник*, издаваемый Кавказским медицинским обществом. – 1869. – № 7. – С. 1 – 91.
4. *Материалы для сравнительной зоографии Понта*, долженствующие послужить основанием для «генеалогии ракообразных», студента Харьковского университета Владимира Чернявского / *Сборник трудов 1-го Съезда русских естествоиспытателей по отделу зоологии*. – Спб., 1868. – 120 с.
5. *Очерки истории Севастопольской биологической станции* – Института биологии южных морей

- (1871 – 2011) / Под ред. Н. В. Шадрина. – Севастополь, 2011. – 366 с.
6. *Питра А. С.* Воспоминания о Густаве Федоровиче Шперке // Доклад, читанный в заседании Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете 21 октября 1870 г. – Харьков, 1871. – 10 с.
  7. *Рейнгард Л. В.* Альгологические исследования. Материалы для морфологии и систематики водорослей Черного моря. – Одесса, 1885. – 324 с.
  8. *Ульянин В. Н.* Отчет о зоологическом путешествии по Черному морю // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – 1868. – 3, вып. 2. – Протокол 35-го годовичного заседания Общества 15. 10. 1868 г. – С. 259 – 264; О черноморских ракообразных // Там же. – Протокол 38-го заседания Общества 8. 01. 1869 г. – С. 295 – 297.
  9. *Ульянин В. Н.* Отчет о зоологическом путешествии по Черному морю // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – 1870. – 8, вып. 1. – Протокол годовичного заседания Общества 15. 10. 1869 г. – С. 35 – 41; О пелагической фауне Черного моря // Там же. – Протокол 45-го заседания Общества 10. 12. 1869 г. – С. 57 – 62; О классификации ресничных червей Черного моря // Там же. – Протокол 46-го заседания Общества 21. 01. 1870 г. – С. 85 – 97.
  10. *Шкорбатов Л. А.* К истории альгологии и гидробиологии в Харьковском университете // Очерки по истории биологии в Харьковском университете. – Тр. НИИ биологии и биологического факультета. – Харьков, 1955. – 22. – С. 123 – 160.
  11. *Шперк Г. Ф.* Очерки альгологической флоры Черного моря в систематическом, морфологическом и физиологическом отношении. I. Систематика и география черноморских водорослей // Протоколы заседаний совета Императорского Харьковского университета и приложения к ним. – 1868. – № 3. – С. 791 – 888; II. Морфологические, анатомические и физиологические наблюдения // Там же. – № 9. – С. 933 – 998.

Поступила 04 апреля 2014 г.

Сторінки історії досліджень флори і фауни Чорного моря: Густав Шперк та Василь Ул'янін у Новоросійській бухті. К. В. Русанов. З середини 1860-х рр. російські вчені почали значно активніше вивчати флору та фауну Чорного моря, яке мало репутацію бідного на форми життя. Спершу географія цих досліджень обмежувалась північним, головним чином кримським узбережжям моря, а також декількома пунктами узбережжя Абхазії. В кінці 1860-х гг., коли відкрився безпечний доступ до східного узбережжя Чорного моря, науковців зацікавила Новоросійська бухта, багата на різноманітні водорості та морські безхребетні. Першими дослідниками, які долучили цю бухту до маршруту своїх експедицій 1868 г., стали харківський ботанік Г. Ф. Шперк та московський зоолог В. Н. Ул'янін. Матеріали, зібрані їми у Новоросійську, зайняли важливе місце в звітах, опублікованих Шперком і Ул'яніним, а також у монографії останнього, що вийшла через декілька років. Вони привернули увагу інших російських науковців, що продовжили вивчення фауни Новоросійської бухти у 1870-і рр.

Ключові слова: історія гидробиологічних досліджень, Чорне море, Новоросійська бухта, ботанік Шперк, зоолог Ул'янін.

The pages to history of investigations of flora and fauna in the Black Sea: Gustav Shperk and Vasily Ul'yanin in Novorossiysk Bay. C. V. Rusanov. From the middle of 1860's, Russian scientists started more active studies of the flora and fauna of Black Sea, which having a reputation of sea, poor with forms of life. Initially the geography of their investigations was limited to North, mainly Crimean coast, as well as few points of Abkhazian coast. In the end of 1860's, when the safe access to the East coast of Black Sea was opened, Russian scientists were interested in Novorossiysk bay, rich in various algae and sea invertebrates. The first investigators, who in 1868 included this bay in the route of their research expeditions, were Kharkov botanist G. F. Shperk and Moscow zoologist V. N. Ul'yanin. Materials, collected in Novorossiysk, occupied the important places in reports, published by Shperk and Ul'yanin, and also in the monograph of the latter, appeared after few years. These materials attracted the attention of other Russian scientists, who continues the studies of Novorossiysk bay fauna in 1870's.

Keywords: history of hydrobiological investigations, Black Sea, Novorossiysk bay, botanist Shperk, zoologist Ul'yanin.